

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ИРОНИИ И САРКАЗМА В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ РУБЕЖА XX-XXI вв.

Писаренко Л.В.

Орский гуманитарно-технологический институт (филиал)
государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Оренбургский государственный университет», г. Орск

Анализ языка публицистики рубежа XX-XXI вв. свидетельствует о том, что насмешливый тон публицистических текстов – один из основных. Ирония здесь часто смыкается с сарказмом, они почти незаметно переходят друг в друга.

Ирония возникает в стилистике, когда «выражающее насмешку или лукавство иносказание приобретает в контексте речи значение, противоположное буквальному смыслу или отрицающее его, ставящее под сомнение» [1, с. 132]. Сарказм – это «язвительная насмешка, содержащая беспощадную, уничтожающую оценку лица или явления в отличие от иронии, где негативная оценка подразумевается» [2, с. 1182], или, что то же самое, «индивидуально-инициативный» смех, обладающий «отчуждающе-насмешливым характером» [3, с. 76]. В публицистике конца XX – начала XXI вв. преобладает сарказм, ирония оттеняет и усиливает его.

Чаще всего в публицистических текстах рубежа XX-XXI вв. ирония оказывается стилистическим компромиссом, так как авторы словно утверждают: мы с этими господами поговорили бы иначе, но правила приличия требуют «политкорректности» – а то еще эти господа подадут в суд. Ирония реализуется в двух основных формах – антифразисе и астеизме.

Антифразис – это мнимая похвала: «*Надежда русской демократии* Владимир Рыжков был *великолепен*. Приведя известные сведения о делении российского общества ровно на три: треть за возврат в прошлое, треть – за путь на Запад, треть – за «новый социализм крепких хозяйственников», оратор утешил образованную аудиторию цитатой из Блаженного Августина («Заблудшие ходят кругами») и Алексиса де Токвиля (о невозможности французов осмнадцатого века договориться о простых вещах). После чего, несколько неожиданно, В. Рыжков – теперь уже после цитаты из Конфуция («исправить слова») – выразил уверенность в достижимости *общенационального консенсуса*» [4, с. 2]. Свой текст автор начинает на самой высокой ноте, а затем постепенно понижает тон: сначала утверждает банальность содержания речи («известные сведения»), затем пишет, что цитаты были приведены без чувства меры и неуместно (по крайней мере, две последние). Судя по тому, как неудачно были использованы цитаты, можно предположить, что они были взяты не из первоисточников и не самим Рыжковым. И, наконец, Рыжков, который начал с Августина Блаженного, снижается до Горбачева («консенсус»). Так несколькими штрихами В. Глазачев создает выразительный интеллектуальный портрет заурядности.

Антифразисы часто объединяются с другими приемами: антифразис в сочетании с констатацией устарелости: «...рассуждения очень активной в *свое время* Л. Пияшевой», «Модный *одно время* А. Нуйин довольно хвастает» [5, с. 4] (ср. у И. Ильфа – «*Очень известный в прошлом году писатель*»).

Астеизмы (мнимые порицания) в публицистических текстах рубежа XX-XXI вв. встречаются реже и служат преимущественно для насмешливой передачи неприемлемых для автора взглядов, мнений, ощущений, эмоций: «И совсем уж *крамольная* мысль. Игра должна быть зрелищной» [6, с. 10].

Одним из умеренных средств иронии является оксюморон – часто авторский: «Почему словосочетание «нравственная власть» воспринимается как совершенно немыслимое, типа «*круглого квадрата*» или «*горячего льда*»?» [7, с. 3]. Последние два оксюморона обычны, это своего рода устойчивые символы абсурда. Сравнивая с ними «*нравственную власть*», автор косвенно утверждает, что этот оборот, при всей его окказиональности, выражает идею аморальности власти.

Ирония в публицистике рубежа XX-XXI вв. часто используется на грани дозволенного, то есть приобретает оттенок так называемого «стеба».

«Стеб» может быть конструктивным, когда он высмеивает, доводит до абсурда настоящую пошлость. Такая стилистика свойственна прежде всего молодым авторам, но даже уважаемые деятели культуры не пренебрегают подобными средствами выразительности – правда, используют их отстраненно: «В самом деле: в тексте активно слышны не только публицистические тона (и как им не быть, когда Достоевский так нас «*достал*» на исходе XX века – не побоимся жуткого нынешнего словечка)» [8, с. 11]; о Вик. Ерофееве: «Федор Панферов или какая-нибудь Вера Кетлинская (то есть, по мнению автора, эталоны бездарности – Л.П.), как теперь говорят, *отдыхают*» [9, с. 7].

Иногда авторы публикаций рубежа XX-XXI вв. используют вульгаризмы, демонстрируя отвращение к явлениям, которые принципиально не заслуживают, чтобы о них говорили «приличным» языком: «Может, и грубо это звучит, но мне толпа либеральных критиков давно напоминает опытных *лохотронщиков, впаривающих* наивным *простофилям* свои правила игры на поле чудес в стране дураков. Вот и Алла Латынина, Наталья Иванова, Андрей Немзер, Владимир Новиков и даже милейший Лев Аннинский прекрасно понимают, в какой лохотрон они играют. Отрезав от якобы литературного процесса две трети пишущих писателей, они выдают своего безрукого, безногого *кастратика* за полноценного человека, а потом обижаются, почему от кастратика бедного детишек нет... Иногда бывая за границей и пересекаясь с маршрутами наших лохотронщиков, я смотрю, до какого цинизма доходят они в своем общении с издателями, критиками, газетчиками, как нагло обманывают они славистов [10, с. 3].

Смысл эвфемизации как средства иронии в подчеркивании смягчения речи: автор предлагает читателям домыслить степень глупости противника. Эта глупость такова, что о ней лучше умолчать. Эвфемизм выполняет роль скрытой гиперболы. Эвфемизмы, исходящие от официозной пропаганды, публицистами нередко заключаются в кавычки, тем самым разоблачаются: «Вначале, после

одного из учений, «ограниченный контингент» сил НАТО не покинет территорию Украины и без лишнего шума будет продолжать неторопливые «учения», оплачивая, впрочем, аренду территории в валюте» [11, с. 3].

С уничижительной целью употребляется и демегафоризация: «Был ли Ленин палачом? Слово «палач» – иносказание, метафора. Политик такого ранга, как Ленин, сам головы не рубит (Петр I это сделал как символический жест, но его как раз палачом не называют). Так что не в этом дело. Именно о Ленине Есенин сказал: «Он никого не ставил к стенке. Все делал лишь людской закон». Значит, надо сначала определить, что мы понимаем под словом «палач», иначе разумного умозаключения сделать будет нельзя» [5, с. 7].

Публицист рубежа XX-XXI вв. может иронизировать и над собственной «недогадливостью» за счет «непонимания» слов с «расщепленной коннотацией», тем самым ярко характеризуя героя: «Кончаловский пытался оправдать Чурикову тем, что она, мол, великий клоун. Это двусмысленно. Клоун – так играй в цирке, а не в таком перегруженном идеями фильме» («Курочке Рябе») [12, с. 11]. Ирония усиливается благодаря заключительному антифразису. Кроме того, имеет значение род существительного – «клоун», а не «клоунесса». Второй вариант как раз не вызывает двусмысленности: слово «клоунесса» понимается однозначно и позитивно. Клоунесса – это в том числе редкое актерское амплуа. Конечно, С.Г. Кара-Мурза понимает, что клоуны и клоунессы могут играть в глубоких, даже «элитарных», фильмах, но утверждает обратное.

К приемам такого рода относится переосмысление (ресемантизация) оценочных слов и понятий, изменение их коннотации: «Да, «бедные люди» сходят с ума от боли и страха за Россию и за своих близких» [12, с. 12]. Понятно, что оппоненты С.Г. Кара-Мурзы пишут о людях, сошедших с ума в другом смысле, – недовольных «демократическими реформами».

Ресемантизация слова может сочетаться в публицистике рубежа XX-XXI вв. с двусмысленностью «Быль о «потусторонних» людях» [13, с. 4] – название статьи Л. Графовой. «Потусторонние» – значит находящиеся или находившиеся по ту сторону российской границы, беженцы, а кроме того – люди, как бы пребывающие «на том свете», «мертвые» для государства.

Сильнейшим ироническим средством публицистических текстов рубежа XX-XXI вв. является «косвенная брань» посредством цитирования чужого ругательства и солидаризации с ним. Однако помимо косвенных выражений неприятия чужой позиции, в публицистике рубежа XX-XXI вв. встречаются и прямые, то есть саркастические.

Как свидетельствуют материалы исследования, самая экстравагантная форма обличения в публицистике рубежа XX-XXI вв. – плеонастическая, типичная, например, для А. Солженицына, который употребляет намеренно лишние слова: «наглядно слабоумное саморазрушение России»; «запущенная неосвоенность российских пространств» и др. [14].

Список литературы

1. *Литературный энциклопедический словарь* / Под общ. ред. В.М. Кожевникова и П.А. Николаева. – М. : Советская энциклопедия, 1987. – 752 с.
2. *Советский энциклопедический словарь* / Под ред. А.М. Прохорова. – М. : Советская энциклопедия, 1993. – 1632 с.
3. *Хализев, В.Е. Теория литературы : уч. пос.* / В.Е. Хализев. – М. : Высшая школа, 1999. – 240 с. – ISBN 5-0600-3356-2.
4. *Глазычев, В. Флирт с социализмом* / В. Глазычев // *Русский журнал*. – 1999. – 2 августа.
5. *Кара-Мурза, С.Г. Советская цивилизация* / С.Г. Кара-Мурза. – М. : Алгоритм; Изд-во «Эксмо», 2008.
6. *Друзенко, А. Чемпионат мимо* / А. Друзенко // *Литературная газета*. – 2002. – № 27.
7. *Диденко, Б.А. Хищная власть.* / Б.А. Диденко. – М., 1997. – 90 с. – Режим доступа: <http://www.koob.ru>.
8. *Бочаров, С. От имени Достоевского* / С. Бочаров // *Новый мир*. – 1997. – № 7.
9. *Архипов, Ю. Гибель богов по-русски и по-немецки* / Ю. Архипов // *Литературная газета*. – 2002. – № 22.
10. *Бондаренко, В. Словесный лохотрон* / В. Бондаренко // *ЛГ*. – 2002. – № 2-3. – С. 7.
11. *Сивов, А. Украина вступает в НАТО* / А. Сивов // *Лимонка*. – 2002. – № 198.
12. *Кара-Мурза, С.Г. Интеллигенция на пепелище родной страны* / С.Г. Кара-Мурза. – М. : Былина, 1996.
13. *Графова, Л. Быль о «потусторонних» людях»* / Л. Графова // *ЛГ*. – 2002. – № 22 (5879), 29 мая – 4 июля.
14. *Солженицын, А. Россия в обвале* / А. Солженицын. – М. : Русский путь, 2006. – 208 с. – ISBN 5-8588-7030-7.